

— «Конченный человек!» — бросил он Мартову; вскоре Мартов эмигрировал¹. Когда в 1921 году Сталин вернулся в Тифлис большевиком-покорителем, на митинге его освистали и в лицо называли бандитом. Он в гневе покинул митинг. Бандитизм и исключение из партии больше никогда в годы его власти не упоминались.

Что самое важное, Ленин не воспринял всерьез исключение Сталина на местном уровне. Он говорил, что такие исключения обычно происходят из-за ошибок, недостоверных сведений или недопонимания. Конечно, он знал больше, чем говорил. Он все больше понимал, что Сталин — террорист, бандит и подпольный организатор — был «то, что нужно».

Тифлисское дело получило невероятный резонанс, но грабежи на этом не закончились. Игра в казаки-разбойники стала еще опасней в Баку — ставки здесь были куда выше, чем в Тифлисе. <...>

В. ШВЕЙЦЕР

Сталин в Туруханской ссылке

<...> От Петербурга до Курейки — путь долгий и изнурительный. Везли в арестантских вагонах, по месяцам задерживались в переполненных этапных тюрьмах, потом бесконечно долго ехали по реке. Сталина везли по реке Енисею в небольшой лодке. Только подумать, в лодке нужно было проехать больше двух тысяч километров по бурному, стремительному Енисею. На пути встречались водовороты и пороги. Больше месяца длилось это опасное путешествие по Енисею, пока наконец не добрались до села Монастырского.

Село Монастырское было центром Туруханского края. По тому времени Монастырское считалось большим культурным селом в этом диком и пустынном месте. Здесь была школа, церковь, полицейские власти. Здесь жил пристав. Сюда обычно высылали политических ссыльных.

¹ После смерти Ленина в 1924 году Сталин очень заботился о легитимности своего большевистского прошлого: он хотел доказать, что достоин быть ленинским наследником. Если бы Мартов доказал, что Сталина исключили, он мог бы спасти Россию от сталинизма.

Но село Монастырское показалось царскому правительству недостаточно глухим местом. Правительство боялось, что Сталин сможет еще раз убежать. В департаменте полиции он числился «бегуном», потому что редко оставался в ссылке больше двух-трех месяцев. На этот раз, чтобы отрезать Сталину все пути к побегу, его заслали сначала в поселок Костино, а в начале 1914 года переправили в Курейку.

Курейка — маленький поселок, затерявшийся где-то далеко за Полярным кругом в беспредельной туруханской пустыне. Это самое северное поселение Туруханского края. Про Курейку можно было без преувеличения сказать, что она находится на краю земли. Зима длится здесь 8–9 месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки. Здесь никогда не произрастали хлеба и овощи. Тундра и леса были переполнены дикими зверями. Человек при 65-градусном морозе ютился в юрте. Простая теплая избушка являлась уже привилегией более счастливых людей. И вот сюда, в глушь Туруханского края, в маленькую заброшенную Курейку, выслали Сталина.

В Курейку Сталина переводили вместе с Яковом Свердловым. В одном из писем к сестре Яков писал:

«Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 100 верст севернее, севернее Полярного круга на 80 верст. Надзор усилили, от почты оторвали; последняя — раз в месяц через „ходока“, который часто запаздывает. Практически не более 8–9 почт в год...»

<...> Полиция все время была настороже. Когда Сталин и Свердлов были сосланы в Туруханск, полиция сразу же приняла меры к тому, чтобы предупредить возможность их побега.

25 августа 1913 года исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции посылает на имя начальника Енисейского губернского жандармского управления спешное распоряжение:

«Ввиду возможности побега из ссылки в целях возвращения к прежней партийной деятельности упомянутых в записках от 18 июня сего года за № 57912 и 18 апреля сего года за № 55590 Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Якова Мовшева Свердлова, высланных в Туруханский край под гласный надзор полиции, департамент полиции просит Ваше высокоблагородие принять меры к воспрепятствованию Джугашвили и Свердлову побега из ссылки».

О каждом шаге Сталина и Свердлова доносится в жандармское управление.

<...> Сталин и Свердлов пробыли в Курейке вместе больше года, но в конце 1914 года Свердлов был переведен из Курейки сначала в небольшой поселок Селиваниху, а позднее — в село Монастырское.

<...> Условия Туруханского края для побега были невероятно тяжелыми. Три месяца в году длилась томительная распутица. Во время короткого полярного лета в Курейку успевал заходить всего лишь один енисейский пароход. Три месяца в году Курейка была совершенно оторвана от жизни; обрывалась всякая связь.

Все движение шло только по Енисею, и никаких других дорог не было. Последний пароход из Енисейска выходил 1 августа. Но он не доходил до Курейки, а останавливался на зимовку в Монастырском. Осенью приходилось ждать санного пути, передвигаться можно было только на собаках и оленях в легких нартах. Снегу наваливало почти в рост человека. Весной, когда начал рыхлеть снег и таял лед Енисея, даже и легкая снасть в упряжке собак не помогала. Сани и собаки проваливались в снег. Движение прекращалось.

Тайком от стражников, зимой, мы вместе с Суреном Спандарьяном поехали в Курейку к Сталину. Нужно было разрешить ряд вопросов, связанных с происходившим тогда судом над думской фракцией большевиков и с внутривнутрипартийными делами.

Это были дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь, пронизанную жестокими морозами. Мы мчались на собаках по Енисею без остановки через безлюдное пространство, отделявшее село Монастырское от Курейки пролетом в 200 километров. Мчались под несмолкаемый вой волков.

Вот и Курейка. На берегу, там, где маленькая изломанная порогами быстрая речка Курейка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько деревянных домишек, стоявших далеко друг от друга. У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил Сталин. Мы подъезжали. Собаки, завидев впереди жилья, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. На встречу нам вышел Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего до-

мика лениво вышел стражник, медленно и важно подошел к нам...

У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча. Нашему неожиданному приезду Иосиф был необычайно рад. Он проявил большую заботу о нас. Мы зашли в дом. Небольшая квадратная комната, в одном углу — деревянный топчан, аккуратно покрытый тонким одеялом, напротив рыболовные и охотничьи снасти — сети, оселки, крючки. Все это изготовил сам Сталин. Недалеко от окна продолговатый стол, заваленный книгами, над столом висит керосиновая лампа. Посредине комнаты небольшая печка-«буржуйка», с железной трубой, выходящей в сени. В комнате тепло; заботливый хозяин заготовил на зиму много дров. Мы не успели снять с себя теплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шел от реки и на плечах нес огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трехпудовую живую рыбу.

— В моей проруби маленькая рыба не ловится, — шутил Сталин, любуясь красавцем осетром.

Оказывается, этот опытный «рыболов» всегда держал в Енисее свой «самолов» (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Осетр еле помещался на столе. Сурен и я держали его, а Иосиф ловко потрошил огромную рыбу. За столом завязался разговор.

— Что слышно из России, какие новости? — расспрашивал Сталин.

Сурен рассказывал все, что знал о войне, о работе подпольных организаций, о связи с заграницей. Особенно долго шел разговор о войне.

Когда Сурен рассказывал подробности о суде над думской фракцией и о предательстве Каменева, Сталин ответил Сурену:

— Этому человеку нельзя доверять — Каменев способен предать революцию.

Беседа длилась долго. Шел разговор о Серго Орджоникидзе, который находился в то время в Шлиссельбургской крепости, об Иннокентии Дубровинском, утонувшем в Енисее, и о других товарищах. Беседа длилась долго-долго...

Я рассматривала комнату, в которой жил Иосиф. В самой обстановке комнаты чувствовалось, как напряженно он работал. Стол был завален книгами и большими пачками газет.

Нам предстояло преодолеть снежную пустыню. Выехали из Курейки. Я села управлять собаками. Наши нарты были окутаны брезентом. Это спасло нас от жестокого холода в пустынной тундре.

Мы мчались вверх по Енисею. Морозно. Казалось, морозом скован воздух. Трудно дышать. Недалеко над нами вспыхнуло северное сияние, озарившее нам путь.

Тундра была покрыта снегом. Кое-где маячили верхушки занесенных снегом деревьев. Мы преодолеваем пространство. Мои спутники ведут себя весело и шумно. О чем-то громко разговаривают. Вдруг неожиданно Сталин затягивает песню. Сурен вторит. Радостно слышать знакомые мелодии песен, уносящихся вдаль и утопающих где-то в беспредельной снежной равнине. Хорошо в эти минуты мечтать, вспоминать, думать.

На просторе льются песни. Одна сменяет другую. Друзья очень любили петь. Сталин был любитель народных песен. Я была свидетелем, как он, занимаясь хозяйством, подолгу напевал русские народные частушки.

Мы ехали двое суток. Останавливались для того, чтобы отогреться, дать отдохнуть собакам, покормить их. Отдыхая, мы ели заготовленную на дорогу рыбу. Так, почти незаметно, преодолели мы далекий путь и приехали к себе в Монастырское.

<...> В октябре 1916 года царское правительство решило призвать всех административно-ссылных отбывать воинскую повинность.

По рассказам Сталина, эта мобилизация была объявлена неожиданно. Особенно не ожидал этого пристав Туруханского края — Кибиров. В первый момент он растерялся, не зная, что делать, но все же быстро составил первую партию из девяти ссылных для отправки в Красноярск. Сталина он решил отправить с отдельным стражником, считая это более надежным. Отправить призываемых было нелегко. В полярной Курейке в конце октября и начале ноября зимний путь только начинает устанавливаться, и единственной дорогой в такое время года был тогда Енисей. По тонкому льду Енисея можно было на собаках, впряженных в легкие нарты, тронуться в путь. Правда, при этом нередко бывали и такие случаи, что полозья нарты прорезали лед и собаки, удерживаясь на льду, волокли нарту по воде, как лодку, а в ней насквозь промокшего седока.

Партия ссыльных начала свой путь «призывников со стражником» на собаках, потом на оленях и, наконец, на лошадях.

В пути от Курейки до Красноярска Сталин умышленно старался задерживаться на каждом станке. Нужно было познакомиться с ссыльными, получить явку — связь с организациями и с отдельными товарищами, работающими на воле и в армии. Все это делалось замаскировано, под видом веселых встреч и проводов призывников, с песнями и пляской.

Так шли дни за днями. Призывники в дороге пробыли два месяца. Пристав Кибиров слал вдогонку телеграмму за телеграммой: «Не задерживайте, переправляйте в Красноярск ссыльных призывников». На пристава нажимали из Красноярска. Боясь ответственности и желая скрыть замедленное продвижение призывников, пристав показал в своем рапорте отправку ссыльных из Туруханки на месяц позже. Ссыльные чувствовали себя почти «на свободе» и не подчинялись местным урядникам, которые уговаривали «партию» быстрее передвигаться. Особенно их пугало то, что задерживается Сталин. А Сталин спокойно продолжал затягивать это путешествие.

Наконец туруханские призывники — Сталин, Борис Иванов и другие — в конце декабря 1916 года прибыли в Красноярск. Сталин остановился на явочной квартире у Ивана Ивановича Самойлова. Царские чиновники хотели отправить Сталина в армию, на войну, но не решились, — они боялись его влияния, его революционной работы среди солдат. В то же время вернуть Сталина обратно в Туруханский край было трудно, весенняя распутица могла застать его на обратном пути, и, кроме того, у Сталина через несколько месяцев кончался срок ссылки.

Как только Сталин приехал в Красноярск, он вызвал меня из Ачинска — ему нужно было установить связь с местными большевиками, с большевистской организацией. В то время в Красноярске уже существовала военная организация, которая работала в армии, печатала и распространяла революционные листовки среди солдат.

Красноярский губернатор направил Сталина отбывать оставшийся срок ссылки в Ачинск, где Сталин и прожил до 8 марта 1917 года.

Надвинулись февральские события. Первые вести о падении царизма докатились до нас 3 марта по старому стилю.

Сталин поспешил с отъездом. 8 марта он вместе с группой ссыльных в экспрессе выехал из Сибири. По пути Сталин послал Ленину за границу приветственную телеграмму, в которой сообщал о своем выезде в Петроград. По дороге на каждой станции возвращавшихся из ссылки революционеров встречали толпы народа со знаменами.

12 марта (старого стиля) Сталин приехал в Петроград и тут же направился в Таврический дворец, где происходили тогда митинги солдат...

А. С. АЛЛИЛУЕВА **Из «Воспоминаний»**

<...> Сталин рассказывает, как торопился он в Питер из Ачинска, где застали его события 17 февраля. Он приехал в Петроград одним из первых. Конечно, если бы он ехал из Курейки, то был бы в пути дольше. С группой ссыльных он на экспрессе доехал из Ачинска в Петроград за четыре дня.

Сталин рассказывал, как попал он в Ачинск. В октябре 1916 года ссыльных призывали в армию. Из Туруханского края ссыльных-призывников и с ними Иосифа Виссарионовича отправили в Красноярск. Добирались туда на собаках, на оленях, пешком. На пути останавливались, встречались с сосланными товарищами, а чтобы не вызывать подозрения, устраивали гулянки: мобилизованные, дескать, кутят — прощаются перед уходом в армию.

Но для армии Сталина забраковали.

— Сочли, что я буду там нежелательным элементом, — говорил он нам, — а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил ее в детстве. От ушиба на руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение крови. Сталин был при смерти.

— Не знаю, что меня спасло тогда: здоровый организм или мазь деревенской знахарки, — но я выздоровел, — вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался навсегда, к этому-то и придрались красноярские чиновники. Отбывать оставшийся срок ссылки они послали Сталина в Ачинск.